

Хаджар не знал сколько именно времени прошло с того момента, как его бросили в темницу. Он сидел, прислонившись спиной к холодной каменной кладке. Из-за решетки не пробивалось ни единого луча ни солнца, ни луны. Как и в прошлый раз она была надежна прикрыта листом каленой стали.

Дотронувшись до ошейника, Хаджар тут же испытал не самые лучшие ощущения. Они походили на то, как если бы по всем его нервам тут же протянули раскаленную иглу. И одна из таких игл неприятно вонзалась в заднюю сторону шеи.

Тонкий шип, пропитанный в специальном зелье, блокировал способности Хаджара как практикующего.

За пятнадцать лет жизнь Хаджара сделала полный оборот, и он вернулся к тому, с чего начинал - простой смертный, лишенный имени и семьи. Разве что сейчас при нем остались руки и ноги. Вопрос - надолго ли.

- Я и не надеялся встретить тебя еще раз, - слегка печально улыбнулся Хаджар.

Еще одним отличием было то, что теперь его глаза видели в темноте намного лучше, чем раньше. В углу тесной камеры лежал белый скелет небольшой крысы. Арчибальд - так Хаджар когда-то давно назвал своего единственного соседа и молчаливого собеседника. Частично именно благодаря этому существу молодой, уже не принц, не сошел с ума.

А так - все как и прежде. На полу тонкий покров рваной соломы, заменявший циновку. За годы солома прогнила, от неё дурно пахло, а пол, кажется, стал только холоднее. Местами на стенах, от сырости и влаги, появились черные бугры опасной плесени. Тяжелая дверь с ржавеющими петлями надежно закрывала вход.

Стоило только Хаджару подумать о том, что эти петли, наверное, издавали не самые мелодичные звуки, как слышались тяжелые шаги.

В замке повернули ключ и подозрения Хаджара подтвердились. Звук действительно был таким, что захотелось чем-нибудь пробить себе барабанные перепонки. Лишь бы не слышать его.

Хаджар на мгновение зажмурился, дабы тусклый свет факелов не ранил его зрения. Когда же он вновь поднял веки, то увидел перед собой весьма ожидаемого посетителя.

Над узником, прикованным к стене, возвышался Примус. Его седые волосы были стянуты в тугой хвост, в глазах плясала самодовольная насмешка, а дорогие шелковые, вышитые золотом, одежды собирали за собой шлейф из плесени.

В коридоре, подперев плечом дверной проем, стоял Наместник. В этот раз одежам он предпочел крепкий, мужской камзол. В таком наряде он стал меньше походить на мужеложца и больше - на воина.

В правой руке Король нес табуретку, а в левой держал кинжал. Тот самый, который Хаджару оставил в наследство убитый им несчастный генерал.

Усевшись напротив Хаджара, Примус щелкнул пальцами и тяжелые цепи буквально ожили.

Они плотно опутали ноги и руки Хаджара, лишив того возможности хоть как-то дотянуться до положенного перед ним кинжала.

- Здравствуй, дядя, - сквозь боль прохрипел Хаджар.

Давление цепей еще можно было терпеть, но каждое движение гортани приводило ошейник в движение, что порождало феерию не самых приятных ощущений.

- И тебе не хворать, племянник, - темница была такой тесной, что Примус, сидя напротив на табурете, спокойно откинулся спиной на стену. - Извини, что не посещал тебя все это время. В первый год было слишком много дел, а потом, ну... сам знаешь - ты сбежал.

Хаджар встретил это заявление кровожадной улыбкой. Настолько кровожадной, какую только возможно создать, учитывая, что тебя вернули в место, которое до сих пор посещало в ночных кошмарах.

Лишили силы, заковали в цепи и оставили во тьме. Положили напротив скелета почтенного Арчибальда, да будут праотцы к нему милостивы...

- Разве мама с папой тебя не учили, что убегать не хорошо?

- Нет, - Хаджар покачал головой и тут же пожалел о содеянном. Ему потребовалась вся сила воли, чтобы не показать врагу боль и слабость. - Но они учили, что люди без чести не достойны моего внимания. Так что извини, дядя, если не стану отвечать на твои вопросы.

Подобная ремарка, казалось, нисколько не задела Примуса. Но это только "казалось". По вспышке боли в голубых глазах, Хаджар понял, что его выстрел попал в цель. И, возможно, в данный момент Примус испытывал больше боли, нежели узник его темницы.

- На мои вопросы? - ухмыльнулся узурпатор. - я думал это у тебя есть вопросы. К примеру - как я узнал в тебе принца.

Хаджар показательно отвернулся в сторону. Всем своим видом он демонстрировал, что не замечает перед собой "собеседника". Подобное поведение вызвало у Примуса очередную, тщательную скрытую вспышку боли и гнева. Наместник же рассмеялся, показывая ряд идеально ровных, белоснежных зубов.

Довольно редкое явление для практикующего, но распространенное среди истинных адептов. Наверное, у них было больше времени и возможностей, чтобы следить за своей внешностью.

- Что же, я и сам могу тебе все рассказать, - развел руками Примус, лишь за тем, чтобы потом вновь скрестить их на могучей груди. - Неужели ты думал, что я действительно не узнаю тебя, когда ты сам пришел в мой дом. На праздник в честь моей дочери? Неужели ты настолько же глуп, как твой отец?!

- Это не твоя дочь, - прорычал Хаджар.

Примус изумленно изогнул правую бровь.

- А как же твой - "с бесчестными я не разговариваю"?

Хаджар вновь проигнорировал заданный ему вопрос.

- Впрочем, позволь с тобой не согласиться, - продолжил Примус, довольный тем, что теперь

уже он смог задеть Хаджара. - Если ты спросишь у самой Элейн - то я единственный, кого она назовет своим отцом.

- Тот факт, что ты использовал на ней какую-то технику, не делает тебя её отцом. Я видел шрамы, это подтверждающие.

От вихря энергии, на миг возникшего вокруг Примуса, простого человека разорвало бы на части. Благо ошейник лишь блокировал способности Хаджара, а не полностью возвращал к состоянию смертного. Иначе узник погиб прямо так - на месте.

- Выбирай слова, Хаджар. Не забывай, что твоя жизнь в моих руках.

Хаджар вновь ухмыльнулся. На этот раз не кровожадно, а скорее... мудро. Насколько мудро мог улыбаться пленник, которому едва миновало двадцать пять зим.

- Моя жизнь находится лишь в моих руках и...

И Хаджар не договорил. Перед его глазами, против его же воли, возникло лицо Атикуса. Разум зачем-то воспроизвел отрывок из рассказа почившего генерала. Рассказа очень сильно похожего на старые сказки, которые юному принцу рассказывал Южный Ветер.

Сама собой вспомнилась следующая строчка из любимого Земного произведения Хаджара.

- "От жизни я земной устал, и был бы рад чтоб мир со мною пал." - словно эпитафия для надгробного камня Атикуса.

- Хотя, если честно, в то время я еще сомневался - Примус просто не мог уgomониться. Настолько глубоко он тонул в чувстве собственного превосходства. Пьяный от триумфа, но, судя по глазам, не самый счастливый человек. - Нет, ну правда, нужно быть либо отчаянным идиотом, либо безумным храбрецом, чтобы заявиться во дворец. Генерал Хаджар Травес... Даже имя не сменил?

- Зачем? - пожал плечами Хаджар. - Хаджаров в стране столько же, сколько грехов на твоей совести - им нет числа.

- И все же - я сомневался. Наверное, не мог поверить в такую наглость. Но вот это, - Примус поддел мыском сапога клинок и подкинул его в воздух. Поймал он кинжал в сантиметре от лица Хаджара. - Атикус бы никогда не отдал его. Никому. Никому, кроме его обожаемого "маленького принца".

Хаджар молча смотрел в сторону решетки, закрытой тяжелым железом.

Примус поднялся с табуретки, приблизился к узнику и, нагнувшись, прошептал на самое ухо.

- Скажи мне, племянник, какого это убивать единственного родного человека?

Внутри глаз Хаджара вспыхнула ярость, от которой треснуло бы само небо. Чего уж говорить о Короле, невольно отшатнувшись от такого зрелища.

- Ты должен знать об этом, лучше меня, братоубийца, - прорычал Хаджар.

Теперь уже пришел черед Примуса демонстрировать первобытную ярость и жажду крови.

- Что ты знаешь, щенок? Твой отец...

- Атикус мне все рассказал, - перебил Хаджар. - можешь не стараться, братоубийца. Я все знаю.

Некоторое время они молча сверлили друг друга взглядами. Взглядами, которые могли раздвинуть землю и обрушить в темные недра целый город. Затем Примус внезапно щелкнул пальцами и цепи снова ожили, чтобы мгновение спустя упасть на пол, освободив Хаджара.

Узник не успел ничего понять, как его схватили за ошейник и потащили куда-то. От боли Хаджар то и дело терял сознание. Изредка приходя в себя, он пытался сосчитать повороты и факелы на стенах казематов.

Вскоре его бросили в другую камеру. Намного более просторную, дурно пахнущую, но с незакрытым окном у потолка.

- Наслаждайтесь, - процедил сквозь сжатые зубы Примус и захлопнул дверь.

Сперва Хаджар подумал, что находится в камере один, но затем прозвучал голос.

- Мой принц...

Несмотря на то, что голос явно не мог принадлежать человеку, Хаджар узнал его.

- Няня? - Хаджар повернулся на звук.

Сердце пропустило удар... затем еще один... еще и еще... По щекам Хаджар впервые за едва ли не всю жизнь потекли слезы. Полные ярости, горести, ужаса и отчаянья, они падали на пол и с шипением испарялись, оставляя на камнях неглубокие впадины.

<http://tl.rulate.ru/book/6918/192715>